

4. Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно? // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2-х тт. – Т.1. – М.: Мысль, 1970. – С. 389–394.
5. Голан А. Миф и символ. – М.: Русслит, 1993. – 375 с.
6. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста: Сб. научн. тр.–Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.–С.5–18.
7. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – 2-е изд., испр. и доп.– М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 558 с.
8. Иванов Вяч. И. Борозды и межи. Опыт эстетические и критические. – М.: Мусагет, 1916. – 351 с.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: Монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
11. Лобок А.М. Антропология мифа. – Екатеринбург: Банк культ. информ., 1997. – 686 с.
12. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». – М.: Мысль, 2001. – С 32–232.
13. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 170 с.
14. Редкин П.Г. Обзорное содержание философских сочинений Аристотеля. Окончание логики: топики // Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. 6. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. – С.1–43.
15. Садикова В.А. Топика как диалектика: лингвистические выводы // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2009. – № 7. – Вып. 1 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 62–79.
16. Садикова В.А. Топика: истоки и перспективы // Филологические науки. – 2009. – № 1. – С. 47–56.
17. Садикова В.А. Топика: история, теория, практика: Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 188 с.
18. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
19. Современный толковый словарь русского языка. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
20. Цветаева М.И. Избранное. – М.: Гослитиздат, 1961. – 302 с.

Л.В. Самуйлова

УСТНОСТЬ, ПИСЬМЕННОСТЬ: ЕСТЕСТВЕННОСТЬ

Естественность в языке

В течение нескольких десятилетий в зарубежной лингвистике обозначение «естественность» (англ. naturalness; нем. Natürlichkeit) используется чрезвычайно активно и входит в один ряд с термином «иконичность», употребляясь в качестве синонима последнего или (реже) как гипероним к нему.

Сквозь призму *естественности* и *иконичности* рассматриваются такие структурные составляющие языковой системы, как фонология, морфология, синтаксис. Так, например, проверке на естественность / маркированность подвергается немецкая глагольная флексия в монографии А. Биттнера «Сильные „слабые“ глаголы», слабые „сильные“ глаголы» («Starke „schwache“ Verben, schwache „starke“ Verben») [13].

Терминологические метафоры «сильные глаголы», «слабые глаголы» – находка Я. Гримма, усмотревшего «силу» глаголов в их способности образовывать формы внутри себя, не прибегая к внешним средствам, например, дентальному суффиксу *-te, -t* – формальному показателю «слабости» немецких глаголов другой группы. Синонимическое обозначение – *неправильные (unregelmäßig)*, учитывающее и некоторые иные возможности формообразования (модальные глаголы, глаголы типа *kennen, denken* и др.) – сигнал их *неестественности* для немецкого языка, их *маркированности*. Тестирование на *естественность / маркированность* осуществляется по нескольким направлениям (см. [Op. cit.]).

- Язык и ребенок: овладение языком (Spracherwerb, Kindersprache). Для детского возраста характерно первоначальное усвоение правил формообразования слабого типа. Их перенос на сильные глаголы дает аграмматичные образцы: **ich gehe, *ich greifte, *ich hab ausgeschlafft, *er hat gebittet*. На примере формообразования русских глаголов С.Н. Цейтлин показала, что процесс самостоятельного конструирования плодотворен и успешен в случае «идеально правильного» устройства глагольной парадигмы, т.е. там, «где координация основ произведена наиболее простым способом» [11: 141, 142]. В немецком языке требованию «правильности» отвечают слабые глаголы.
- Грамматикализация новых глаголов (Behandlung von Neuwörtern). Все глагольные новообразования спрягаются по слабой модели: *starten, parken, nerven, computern, joggen, surfen, jазzen, mailen, scannen*.
- Грамматикализация искусственных глагольных образований, так называемых «нонсенс-глаголов» (Behandlung von Nonsensverben). Список А. Биттнера из 4-х слов **rehmen, *limmen, *tiechen, *lönnen* может быть расширен, например, за счет **pun, *naben, *kesen, *freschen, *mauchen*. Результат тестирования носителей языка – почти 100% использование слабой парадигмы спряжения. Прогнозируемый разброс мнений иностранцев, изучающих немецкий язык (студентов заочного отделения выпускного курса), по поводу морфологического статуса тест-глаголов получил свое подтверждение в виде форм, образованных по аналогии с сильным типом спряжения: **kesen – lesen, *freschen – dreschen*, и двойных конструкторов (слабого и сильного типа).

- Лингвистика ошибок (Fehlerlinguistik). По наблюдениям специалистов, значительная часть речевых оговорок приходится на глагольные формы. При этом страдает сильный тип спряжения, уступая место слабому.
- Немецкий язык как иностранный (Fremdsprachenerlernung in der Kommunikation). Иностранцы быстрее и раньше усваивают формирование правильных глаголов.
- Нарушение речи (aphasische Störungen). При нарушениях речи в первую очередь страдает сильная парадигма спряжения немецкого глагола.
- Восприятие некорректных глагольных форм (Akzentabilität ungrammatischer Formen). Носители немецкого языка более толерантны по отношению к слабым формам, образованным от сильных глаголов (*ratete вместо riet), нежели к замене слабых глагольных форм на сильные (*huk вместо hackte).

Естественность и стиль

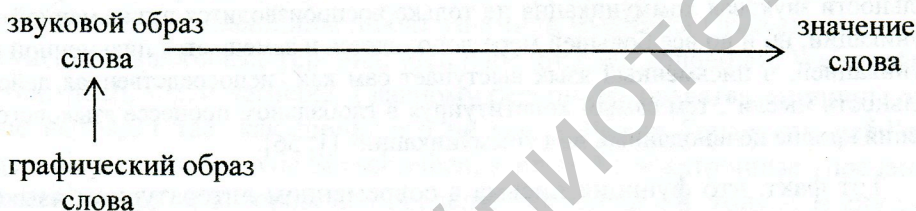
Попытка выяснить характер отношения *стиль – естественность* (Stil – Natürlichkeit) наводит П. Ауэра [12: 31] на мысль о его варианности: Natürlichkeit als Stil, Natürlichkeit vs. Stil. Вопросы – может ли естественное быть стилистически выдержанным, а стиль естественным – решаются автором в исторической перспективе. Этот ракурс высвечивает смену характера отношений *стиль – естественность*: от строгой оппозиции (Stil vs. Natürlichkeit) до допуска «естественных стилей» («natürliche Stile») и признания *естественности* как стиля (Natürlichkeit als Stil). Обращаясь к понятию *естественность*, П. Ауэр раскрывает его в оппозиции *естественность vs. конвенционализация* (Konventionalisierung). Истоки этого подхода он находит в произведении одного из известнейших средневековых теоретиков поэзии J. de Vinsauf (lat. Garlandus de Vino Salvo, также Godefridus de Vino Salvo или Galfredus de Vino Salvo, Galfridus de Vino Salvo; около 1200) «Poetria Nova» (около 1210). В нем, по мнению П. Ауэра, выражена основная мысль семиотического анализа стилей с позиций *естественности / искусственности*. При этом в трактовке П. Ауэра иконический принцип (отношение естественного сходства), облаченный в латинском тексте в формулу «ordo naturalis», дополняется индексальным (отношение фактической, естественной смежности). В качестве иллюстрации приведем фрагмент перевода оригинального латинского текста на немецкий язык (см. сноску 12 [Op. cit.: 32]):

Der Weg, auf den die *dispositio* erfolgt, ist zweiteilig; auf der einen Seite kann sie dem Pfad der Kunst folgen, auf der anderen der breiten Straße der Natur. Die letztere ist dort der Leitfaden, wo die Dinge und die Worte denselben Lauf nehmen und die Rede nicht von der Reihenfolge der Dinge abweicht.

«Естественность», «иконичность» устной речи

Если исходить из определения *иконичности* как материального подобия знака объекту (означающего и означаемого) (см. об этом, например, [7]), то употребление терминов *иконичный* и тем более *естественный* вполне оправдано по отношению к устной речи. Это ощущение подобия звукового образа собственно языку подспудно присутствовало в терминологической практике лингвистических описаний, где дихотомия *устность* – *письменность* была представлена как *язык* – *письмо* / шрифт (Sprache – Schrift) (см., например: И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Шахматов, Г. Пауль, А. Мартине, W. Willmanns, H. Glinz и др.). Оно поддерживается и особыми связями звуковой речи / письма с мышлением и памятью.

Традиционная точка зрения характеризует связь графического образа слова со значением как опосредованную звуковыми словесными образами:

Ср. мнение Аристотеля («Логика»): «Произнесенные слова – это символы умственного опыта, а написанные слова – это символы произнесенных слов» (цит. по [2: 24]). Аналогично рассуждает В. фон Гумбольдт: «Только звучащее слово является как бы воплощением мысли, письмо – воплощение звучания» (цит. по [3: 15]). Л.В. Щерба также полагает, что «нашим языком является лишь произносимый язык: он имеет непосредственные смысловые ассоциации, тогда как письмо, текст получают их лишь через его посредство. Следовательно, всякий текст требует для своего понимания еще перевода на произносимый язык» [10: 30, 31]. Особое мнение отстаивает справедливость данного вывода лишь для начальной стадии развития письменности, а также для начальной стадии овладения письменной речью каждым носителем языка (см., например: [16: 164]):

Bei genauerer Betrachtung der heutigen (und für manche Sprachen schon seit Jahrhunderten bestehenden) Situation zeigt sich nun, daß die Auffassung „Schrift ist ein sekundäres Darstellungssystem“ zwar historisch berechtigt und auch heute noch an manchen Stellen wichtig ist, daß sie aber doch für die heutige Situation an manchen Stellen modifiziert, ja völlig ersetzt werden muß. Für jeden, der viel liest und auch öfters schreibt, verbindet sich nämlich mehr und mehr die im Gedächtnis gesicherten graphischen Wortgestalten ebenso eng mit den Bedeutungsseiten der Wörter, wie das vor der intensiven Beschäftigung mit Schrift und Schreiben nur für die phonischen Wortgestalten (die ja schon länger im Gedächtnis gespeichert sind) der Fall war. Die graphischen Wortgestalten treten aus ihrer sekundären Rolle heraus, sie sind nicht mehr den phonischen Wortgestalten nachgeordnet, sondern sie stehen gleichberechtigt neben diesen, mit gleich engen Beziehungen zu den Bedeutungsseiten der Wörter.

Еще раньше Г. Пауль писал:

«Наши предки не имели дела с объективно существующей строго регламентированной орфографией, а отсюда их непосредственное ощущение звука не приглушалось необходимостью постоянно считаться с этой орфографией. А это примерно равносильно тому, что они еще не могли обходиться без промежуточного звена в виде звукового образа между графическим образом и значением» [6: 450].

Прямая связь графический образ → значение, по мнению этих авторов, должна четко ощущаться каждым образованным человеком. У того, кто значительное время проводит за чтением и / или много пишет, графические образы слов ассоциируются с их значениями, минуя стадию звукового опосредствования. По сути того же мнения придерживается Т.А. Амирова:

«С развитием и совершенствованием систем письменности, с закреплением письменной коммуникации как самостоятельной разновидности социальной деятельности звуковая коммуникация не только воспроизводится в письменной коммуникации, но и во все большей мере дополняется и замещается письменной коммуникацией, и письменный язык выступает сам как "непосредственная действительность мысли", тем самым конституируя в глобальном процессе языкового общения вполне цельноданный вид коммуникации» [1: 56].

Тот факт, что функция письма в современном литературном языке не замыкается исключительно на отражении звучания, хотя связь с фонологическим уровнем является, как и прежде, определяющим фактором, очевиден и для Д. Нериуса. По его мнению, налицо тенденция к непосредственной передаче значения, минуя посредническую роль звукового образа, к прямому освещению определенных семантических отношений, связей и различий, что способствует более быстрому пониманию письменного текста. Так в процессе развития литературного языка письмо завоевывает все большую самостоятельность, относительную автономность. Это позволяет говорить о том, что письмо из вторичного, служащего исключительно отражению звучания, превращается в первичную, формальную систему, непосредственно материализующую значение [17: 48]:

Auf diese Weise gewinnt die Schreibung in der Entwicklung der Literatursprache eine zunehmende Eigenständigkeit, eine relative Autonomie, so daß man davon sprechen kann, daß sie auf dem Wege ist, sich aus einem sekundären, lediglich der Abbildung der Lautung dienenden zu einem primären, der unmittelbaren Materialisierung der Bedeutung dienenden Formsystem zu entwickeln.

Вряд ли эти утверждения сколько-нибудь серьезно пошатнули устои устной речи и открыли, как полагает К.А. Филиппов [9: 18], возможность подхода к ней как к чему-то вторичному по отношению к письменной речи. Ведь механизм выхода на значение слова, отталкиваясь лишь от его графического образа, характеризует не тотально всех членов общества, а лишь определенные категории носителей языка. Кроме того, последние (в случае необходимости) всегда могут восстановить ассоциативную связь со звуко-

вым образом слова: «звуковой язык настолько универсален и настолько прочно связан с нашим мышлением, что письменные знаки в любой момент могут быть озвучены и связь письменного языка со значением опять становится опосредованной звуковым языком» [8: 17].

Пример экстремального «письменного» мышления находим в романе Э. Канетти (Canetti E. «Die Blendung». – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995). Характеристику главного героя, господина Кина, который «охотнее писал, чем говорил», дополняет замечание автора: «In Zitaten dachte er...» («Он мыслит цитатами...»).

Другой пример взят из романа Д. Глаттауэра (D. Glattauer. Gut gegen Nordwind. – München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2008). Произведение выдержано в эпистолярном жанре, осовремененном новыми техническими возможностями – жанре электронной переписки. Уровень владения письменной речью героев требует частичной корректировки известного утверждения о том, что «женщины любят ушами, а мужчины глазами». Глазами (письменно!) влюбилась героиня: «Ich habe mich auf sonderbare Weise, nämlich schriftlich, < ... > verliebt». Главному персонажу нравятся женщины, которые выглядят так, как пишет его визави: «Welche Frauen mir gefallen? Frauen, die so aussehen, wie Sie schreiben, Emmi». Ее электронные послания – речевой поток, в котором не определяются паузы. По тону и темпу они напоминают устную речь, импульсивную, энергичную, свободную и даже немного взволнованную. Такая манера письма не свойственна людям с низким давлением. Создается ощущение беспрепятственного перетекания спонтанных мыслей в текст. Ниже приводится фрагмент оригинала:

«Wenn ich Ihre E-Mails lese, dann kann ich darin keine Pausen erkennen. Die kommen mir im Ton und Tempo antriebsstark, atemlos, energievoll, flott, ja sogar ein wenig aufgeregt vor. So wie Sie schreibt niemand mit niedrigem Blutdruck. Mir scheint, Ihre spontanen Gedanken fließen ungebremst in die Texte ein.»

Допуская в целом теоретическую возможность прямой связи письма с мыслью, В.М. Солнцев все-таки остерегается говорить о рядоположенности системы письма и языка по отношению к мыслительной деятельности, объясняя эту осторожность тем, что «письмо по происхождению и назначению есть фиксатор не мысли непосредственно, а языка. Знаки письма по происхождению это "знаки знаков" прежде всего, а не знаки "мыслительных констант" – значений» [8: 17].

Естественность. Частотность устных языковых проявлений

История развития языков позволяет говорить о том, что их константной характеристикой является устная основа: The basic orality of language is permanent [18: 7]. С тех пор как существует человеческое общество, оно преимущественно обслуживается языком говоримым (spoken, gesprochen) и слышимым (heard, gehört). Из 3–5 тысяч языков, на которых в настоящее время говорит человечество, менее ста имеют развитую литературу, а

большинство из активно употребляемых языков никогда не знали письменной фиксации [18: 7; 20: 459, 460].

Новая фаза в развитии современных языков связана с достижениями в области техники коммуникации и их повсеместным массовым и стремительным распространением. Современные средства и способы общения повлияли на соотношение двух основных видов коммуникативной деятельности: письмо/чтение – говорение/слушание, сместив акценты в пользу устных (и рецептивного – слушания). Ср. мнение А.Ф. Журавлева [4: 85]:

«... не будет столь уж большим преувеличением утверждать, что языковая коммуникация, опосредованная письмом и подчиняющаяся нормам письменной речи (чтение и само писание текстов), не только является вторичной по отношению к устной коммуникации, но и находится в известном смысле на периферии употребления языка. Письменные тексты, продуцируемые даже теми, для кого этот процесс связан с профессиональной деятельностью, составляют весьма незначительную часть совокупностей речевой продукции – исходящих от человека вербальных текстов (в широком понимании): подавляющая часть текстов не пишется, а артикулируется. Читает человек в сотни раз большие по объему тексты, чем порождает сам посредством письма, но чтение не является преобладающей формой перцептивного употребления языка: еще больше, чем говорит, человек слушает и слышит».

В условиях повседневного обихода письменность не отличается высокой коммуникативной загруженностью. Бытовой исторический опыт – «бумага все стерпит, но не все ей можно доверить» диктует правило преимущественного выбора – «сказать», а не «написать». Письменная фиксация, как правило, является «делопроизводственной необходимостью» в сфере бизнес-общения. Однако, по наблюдениям финской исследовательницы Л. Тииттула [21], и этот тип коммуникации допускает варианты. Ее наблюдения в рамках проекта «Немецко-финские культурные различия в деловой коммуникации» («Deutsch-finnische Kulturunterschiede in der Wirtschaftskommunikation») позволили сделать вывод о том, что культурно обусловленные различия в употреблении языка этого вида коммуникации затрагивают не только формально-грамматическую сторону (использование конкретных форм выражения), но и формально-медиаальную (выбор медиума сообразно заданной ситуации делового общения). Сопоставление двух культурных этикетов делопроизводства показало, что немецкие бизнесмены предпочитают письменную форму делового общения («In Deutschland [gilt] generell eigentlich nur das geschriebene Wort»). Для немецкого бизнеса устные договоренности не имеют обязательной силы (nicht verbindlich). Традиции финского делового общения не столь жестко привязаны к письменной фиксации. Альтернативная процедура заключения деловой сделки – «ударить по рукам» (mit Handschlag) – широко распространена в Финляндии (и Скандинавии). Ущербность устных договоренностей проявляется в случаях возникновения конфликтных ситуаций, требующих для выяснения всех обстоятельств письменной документации.

К. Дюршайдт [14: 67] обращает внимание на тот факт, что в Интернете коммуникация осуществляется большей частью с использованием графического кода (чаты, электронная почта). То же можно утверждать и о мобильной связи в форме СМС (*fern-schriftlich*). Это обстоятельство провоцирует предположение о новом повороте в состязании *устности* и *письменности*. Однако оно ложно. В качестве доказательства К. Дюршайдт упоминает успешно разрабатываемые программы, с помощью которых может осуществляться трансформация письменного сообщения в устное (голосовая почта – Voice Mail). Та же услуга может быть предоставлена и пользователям мобильной связи, предпочитающим голосовое общение письменному («перевод» СМС-текстов в звучащую речь).

Развитие инновационных средств коммуникации активно поддерживает *устность* не только как стилистическую стратегию на разговорность, но и как форму языковой реализации (устно, в голосе). Так, Интернет-общение по скайпу (Skype) стало реальностью современной он-лайн-коммуникации.

Смена парадигмы восприятия (визуально – аудитивно) наблюдается с конца 90-х годов прошлого века и в сфере художественной литературы. С этого времени большим успехом начинает пользоваться аудио-литература (*Hörbuch*, *Audiobook*, *Audiobuch*). Немецкое обозначение впервые было упомянуто в 1954 году. Еще раньше, в 1924 году, появилось слово *Hörspiel* (дословно «пьеса для слуха», радиопостановка, радиопьеса), ознаменовавшее становление нового жанра, родоначальником которого явилась радиотехнология. Во вступлении к радиопостановке «Королевское высочество» Т. Манн выражает свое восторженное отношение к новым техническим возможностям – «кодам доступа» в мир читателя, давая «добро» на редакцию аутентичного текста сообразно условностям жанра [5: 375]:

«Они [речь идет о фильме и радиопостановке – Л.С.] воспроизводят фабулу и то, что есть красочного в книге, да и это еще переделывают по-своему, если это кажется более удобным, более развлекательным. И это правильно. Я благодарен тем, в чьих руках способы распространения искусства, за то, что они с охотой и любовью занялись производением, которое я писал с такой любовью. И они поступили умно, предложив его публике как сказку, ибо это и есть сказка; а сквозь сказку зрение и слух обязательно уловят тот дух морали, которым она овевана».

Аудиокнига в сумме ее разновидностей – радиопьеса (*Hörspiel*), чтение вслух художественного (*Lesung*) и нехудожественного (*Feature*) текста и др. – завоевала широкое медийное пространство, в том числе благодаря компактности текстового носителя (CD, DVD), гарантирующего воспроизведение не только в стационарных (домашних) условиях, но и в машине (MP-3 Player); большие надежды возлагаются и на возможности мобильной связи (см. об этом: [22]).

Особенно большой успех приходится на долю аудио-текстов, начитанных известными актерами или самими авторами (*Autorenlesungen*). Прием

чтения вслух собственных произведений не является инновацией нового тысячелетия. Аудиокнига продолжает традицию, обычную для XVIII – XIX веков, способствуя расцвету художественного рассказа в новых социокультурных и медиальных условиях.

Das Hörbuch lässt so die Tradition des Erzählens wieder aufblühen und verschafft der Lesung eine unverhoffte Renaissance [Op. cit.].

Онтогенетическая первичность устной речи

Устная речь удовлетворяет и еще одному показателю *естественности* – она усваивается ребенком первой. *Устность* – это та первая коммуникативная среда, в которую ребенок попадает. У. Квастхофф пишет по этому поводу:

«No matter where the (non handicapped) child grows up – the first language acquired is an oral one. The first communicative environment each child is exposed to is that of orality» [19: 256].

Экспрессивность устности и письменность

Один из весомых и довольно частотных аргументов, приводимых в подтверждение искусственности письма – его ущербность в плане передачи естественных голосовых нюансов (тембральных, тональных, динамических, интонационных, ритмических, акцентуальных, темповых, паузных). Ср. у Ф.Ницше:

«Das Verständlichste an der Sprache ist nicht das Wort selber, sondern Ton, Stärke, Modulation, Tempo, mit denen eine Reihe von Worten gesprochen werden; kurz die Musik hinter den Worten, die Leidenschaft hinter dieser Musik, die Person hinter dieser Leidenschaft: alles das also, was nicht geschrieben werden kann» (цит. по [15: 30]).

Индивидуальная (окказиональная) акустическая стилистика устного слова сосуществует с константной узуальностью (нормативностью) слова письменного. Вспомним утверждение Б. Шоу о том, что «есть пятьдесят способов сказать *да* и пятьдесят способов сказать *нет* и только один способ это написать». Не менее категоричен В. Онг [18: 82]:

«By contrast with natural, oral speech, writing is completely artificial. There is no way to write 'naturally'».

Однако, его приговор – «невозможно писать естественно» – смягчается некоторыми последующими разъяснениями. В частности, он замечает, что заключение об искусственности письма не должно восприниматься как его негативная оценка. Это не осуждение, не приговор, а, бесспорно, похвала, адресованная, пожалуй, самому значимому из тех искусственных творений, роль которых для реализации тотальных внутренних человеческих потенциалов трудно переоценить [Ibid.].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирова Т.А. Общелингвистические основания графемики (теоретические проблемы графемики и гипотезы функциональной взаимосвязи письменного и звукового языка): Дис. ... докт. филол. наук. – М., 1981. – 432 с.

2. Гельб И.Е. Опыт изучения письма (Основы грамматиологии). – М.: Радуга, 1982. – 360 с.
3. Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. – Л.: Наука, 1987. – 124 с.
4. Журавлев А.Ф. Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 14–150.
5. Манн Т. Вступление к радиопостановке «Королевское высочество» // Манн Т. Собрание сочинений. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1960. – Т. IX. – С.371–375.
6. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 460 с.
7. Сигал К.Я. Проблема иконичности в языке // Вопросы языкознания. –1997. – № 6. – С. 100–120.
8. Солнцев В.М. Язык и письмо (Вместо предисловия) // Амирова Т.А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. – М.: Наука, 1985. – С.3–17.
9. Филиппов К.А. Устная речь в онтогенезе и в различных условиях коммуникации (на материале немецкого языка). – Дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 1993. – 376 с.
10. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку.–М.: Учпедгиз, 1957.–188 с.
11. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
12. Auer, P. Natürlichkeit und Stil // Stil und Stilisierung: Arbeiten zur interpretativen Soziolinguistik. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1989. – S.27–59.
13. Bittner, A. Starke „schwache“ Verben – schwache „starke“ Verben. Deutsche Verbflexion und Natürlichkeit. – Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1996. – 224 S.
14. Dürscheidt Ch. Einführung in die Schriftlinguistik. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. – 319 S.
15. Gauger, H.-M. «Schreibe, wie du redest!» Zu einer stilistischen Norm // Sprachnormen in der Diskussion: Beiträge vorgelegt von Sprachfreunden Günther Drosdowski zum 15.10.1986. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1986. – S. 21–40.
16. Glinz, H. Sprache und Schrift – kognitive Abläufe beim Lesen und Schreiben // Zeitschrift für Germanistik. – 1986. – Heft 2. – S.160–182.
17. Nerius, D. Norm und Entwicklung in der Schreibung der deutschen Gegenwartssprache // Linguistische Studien. Reihe A: Arbeitsberichte. – Berlin, 1979. – S.44–60.
18. Ong, W. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. – London; New York: Methuen, 1982. – 201 p.
19. Quasthoff, U. The Ontogenetic Aspect of Orality: Towards the Interactive Constitution of Linguistic Development // Aspects of Oral Communication. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1995. – S. 256–274.
20. Schoenthal, G. Mündlichkeit // Metzler Lexikon Sprache. – Stuttgart; Weimar: Verlag I.B. Metzler, 2000. – S.459, 460.
21. Tiittula, L. Kulturelle Unterschiede im mündlichen und schriftlichen Gebrauch von Sprache // Kulturelle Perspektiven auf Schrift und Schreibprozessen. – Tübingen, 1995. – S.233–252.
22. Wikipedia, freie Enzyklopädie – <http://de.wikipedia.org/wiki/Hörbuch>